

Разруха, грязь и вечная толкотня — трущобы встретили Хай Тяня своим привычным убожеством. Замерев в устье темного переуллка, юноша кончиками пальцев приподнял поля глубокого капюшона и потрясенно замер.

«Хог?! Да что он тут забыл?!»

Рядом с ним, испуганно вжав голову в плечи, стояла та самая девчушка, что вывела его сюда.

В ушах у Хай Тяня зашумело. Буквально полчасика назад, собираясь покинуть трущобы, он наткнулся на этого ребенка: девчонка отчаянно копалась в мусорном баке, выживая оттуда гнилье.

Костлявыми пальчиками она вытащила заплесневелую корку — здесь, на самом дне жизни, даже такая мерзость считалась бесценной добычей. Зажав кусок в ладони, девочка диковато зыркнула по сторонам, боясь, что прохожий отберет ее сокровище.

Живот Хай Тяня предательски заурчал — во рту у него с самого обеда маковой росинки не было. Но, разумеется, грабить сироту он не собирался.

Девочка заколебалась, затем осторожно разломила корку пополам и протянула ему:

— На, хочешь?

В ее голоске сквозили заискивание и глубоко укоренившийся страх. Поделиться половиной, чтобы вымолить шанс сохранить вторую — жестокий закон улиц.

Хай Тянь тогда опешил. Одно дело — читать сухие строчки романа, и совсем другое — столкнуться с нищетой трущоб лицом к лицу. Седьмой сектор обладал богатейшими рудниками и древнейшей культурой, но простых людей нещадно обирали и угнетали. Местные жители буквально стояли на коленях, вымаливая у судьбы право на глоток воздуха.

Сердце юноши сжалось от жалости. Покопавшись в карманах, он вытащил леденец. В прошлой жизни он страдал от гипогликемии, и привычка всегда носить с собой сладости перекечевала в это тело. Для него обычная конфета была лишь средством быстро поднять сахар в крови, но девчушка уставилась на нее как на величайшую драгоценность. Тщательно обобрав с корки грязь, она со слезами благодарности всучила ему весь свой хлеб.

Хай Тянь держал этот черствый кусок, и тот казался тяжелее свинца.

У малютки никого не осталось. Недавно на руднике случился обвал, и ее отец навсегда остался под завалами. Выжить сироте помогал только таинственный благодетель — сильный боец с Арены гладиаторов, который изредка навевывался в эти трущобы и подкармливал бедняков.

Попрощавшись с ней, Хай Тянь успел пройти лишь несколько шагов, как вдруг девочка догнала его и вцепилась в плащ. Оказалось, вернувшись со своим хлебом к привычному убежищу, она обнаружила, что ее защитнику в темном тупике стало плохо.

Хай Тянь невольно сделал шаг вперед. Ранен — значит, нужно помочь.

— Красивый старший брат, ты ведь добрый, — умоляюще прошептала девчушка. — Пожалуйста, спаси его!

Спаси ее «крутого брата».

Хай Тянь резко замер, словно наткнулся на невидимую стену. Кто бы мог подумать, что этим «крутым братом» окажется сам маршал Хог, главный герой романа!

«Хотя чему тут удивляться? Кто еще у нас непобедимый боец, регулярно дерущийся на Арене гладиаторов, равнодушный к денежным призам и тайно помогающий нищим? Ну конечно, Хог!»

Один из них по легенде должен был сидеть дома и радостно паковать чемоданы для переезда, а второй — якобы тихо умирать на больничной койке в загородном дворце. Вместо этого они нос к носу столкнулись на самом дне Седьмого сектора.

Какая нелепость.

По канону оригинальной новеллы безропотному влюбленному следовало немедленно броситься к Хогу, позабыв о конспирации и собственной безопасности. Настоящий «жалкий сабмиссив» обязан сносить побои, терпеть любые издевательства и безропотно бросаться на помощь предмету своего обожания в любую погоду.

Если верить сюжету, маршал потеряет сознание в этом грязном тупике и пролежит здесь до утра. Из-за этого он пропустит важнейшие переговоры с Империей, что заронит в умы имперцев подозрения насчет его истинного состояния. И в оригинале Хог так и не узнал, кто именно находился рядом в ту минуту.

Хай Тянь не двигался. Мужчина перед ним скорчился у стены. Влажные пряди волос облепили его мертвенно-бледное лицо, тонкие губы были плотно сжаты. На маршале не было ни парадного мундира, ни привычной формы — лишь простая белая рубашка, залитая кровью. Три верхние пуговицы были расстегнуты, открывая взгляду сильную шею и намекая на литое, атлетическое телосложение, скрытое под грязной тканью.

Лишенный привычной ауры безжалостного воителя, Хог казался сосредоточением мрачного холода. Даже обессиленный и безмолвный, он умудрялся выглядеть высокомерным и смертельно опасным. Он напоминал иссиня-черную болотную гадюку, которая свернулась

кольцами во тьме и беззвучно шипит, предупреждая всякого, кто посмеет приблизиться.

«Спасать его или бросить? Если я выкажу излишнюю заботу, это будет выглядеть как типичное поведение безответно влюбленного. А мне сейчас никак нельзя палиться со своим гаремом из семи мужиков... И все же...»

Замерев в нерешительности, он прикусил губу.

Заметив колебания своего спутника, девочка испуганно забормотала:

— Я... я позову кого-нибудь еще на помощь!

— Нельзя! — Хай Тянь резко перехватил ее за плечо и покачал головой.

Малышка явно понятия не имела, кто перед ней. Слишком юная, выросшая в трущобах, она никогда не видела тех, кто вершит судьбы галактики. Но если придут взрослые?

Зачем Хог вообще притащился на окраину? Ради гладиаторских боев. На Арене гладиаторов в трущобах Высшие эволюционировавшие спускали пар и зарабатывали легкие деньги. Бойцы скрывали лица за масками, а их истинные имена стирались. Здесь дрались насмерть. Если соперник погибал, победитель мог ободрать его труп до того, как распорядители Арены гладиаторов уволочут тело. Таковы жестокие правила игры, и каждый выходил на песок с единственной мыслью — убить.

Алчность, похоть, кровь и смерть. Официально аристократия презирала эти варварские развлечения. Если штаб-квартира Альянса или Империя пронюхают, что маршал Хог балуется боями без правил, разразится колоссальный скандал. Хог выгрызал свое право на жизнь зубами, стремясь сокрушить несправедливость этого мира. Он не мог допустить, чтобы его имя смешали с грязью.

К тому же в тяжелом, насыщенном агрессией воздухе улавливалось нечто иное. Сквозь ярость бушующего безумия пробивалась отчаянная, беззвучная мольба об умиротворении.

Юноша опустил глаза, его густые ресницы вздрогнули.

— Я помогу ему, — тихо произнес он.

Плотно запахнув черный плащ и пониже надвинув капюшон, Хай Тянь осторожно приблизился и опустился на корточки рядом с раненым.

Не размыкая век, Хог болезненно нахмурился. Он уловил чужой запах. Тонкий, непривычный... Пахнет аристократом!

Духовная сила маршала инстинктивно начала концентрироваться для удара. Его пальцы мелко дрожали. Благородный выскочка... Из какого он клана? Пришел добить? Но кто выдал место? Ни одна живая душа из его подчиненных не знала, куда он направился.

«Идиот. Мой период безумия выжжет твой разум. Стоит тебе коснуться меня, и ты труп. Никто не способен пережить близость Высшего в периоде безумия... Три... два...»

— Здесь небезопасно. Нам нужно уходить, — негромко проговорил Хай Тянь, помогая ему подняться.

Юноша поморщился: от маршала разило потом, дешевым пойлом и запекшейся кровью. Амбре было еще то.

Хогом овладело крайнее изумление. Этот незнакомец действительно пытался вытащить его! И при этом совершенно не испытывал давления его безумной ауры!

С огромным трудом разомкнув тяжелые веки, маршал мазнул взглядом по лицу спасителя. Но разглядел лишь изящные очертания подбородка — кожа под капюшоном казалась невероятно нежной и белой, точно первый снег.

Тонкие, холеные пальцы незнакомца аккуратно придерживали его за плечи. Опрятно подстриженные ногти отливали здоровым розоватым оттенком. Даже свободный плащ не мог скрыть хрупкого, высокого телосложения юноши.

Убедившись, что пришелец не замышляет дурного, Хог расслабился. Силы окончательно оставили его, и маршал провалился во тьму. Последним, что донеслось до его угасающего сознания, был чей-то панический возглас:

— Маршал!

Жилищем сироты была крохотная лачуга, кое-как сколоченная из прогнивших досок. Сжавшись в самый дальний угол, девочка во все глаза смотрела на лежащего на лежанке мужчину. В ее детском взгляде застыл первобытный страх — она кожей чувствовала исходящую от него угрозу.

Охваченный периодом безумия Высший эволюционировавший изо всех сил пытался подавить собственную ауру. Крупные капли пота катились по его бледному лбу, тело сотрясала крупная дрожь. Запертый внутри хищник яростно бился о прутья ментальной клетки, а удушающая, плотная духовная сила тяжелым свинцовым покрывалом давила на стены лачуги, мешая дышать.

Но стоило мягким, прохладным пальцам коснуться его разгоряченной кожи, как внутренний зверь мгновенно прекратил свой рев. Скуля, он поджал хвост, улегся на брюхо и преданно заглянул в глаза невидимому хозяину, моля о ласке.

Вспышка резкой боли вырвала Хога из забытья. Распахнув глаза, он резко сел, отчего в груди нещадно застреляло.

Мужчина опустил взгляд: грудная клетка была перевязана безупречно чистыми бинтами. Повязка лежала ровно и аккуратно — сам он так забинтовать рану никогда бы не сумел.

В памяти всплыли смутные обрывки вчерашнего кошмара. Он смутно помнил нежные, дрожащие пальцы своего спасителя. Юноша явно вырос в роскоши и отродясь не видел столь жутких ран, но, преодолевая ужас, упорно продолжал обрабатывать порезы. Его голос срывался от подступающих слез, будто он вот-вот расплачется от страха.

— Пожалуйста, только не умирай...

— Все будет хорошо, слышишь?

— Тебе еще столько предстоит сделать, ведь так?..

Аристократ... Его спас представитель той самой презираемой им касты.

От этой мысли душу маршала захлестнула буря противоречивых чувств. Духовная аура снова всколыхнулась, и забившийся под лавку ребенок задрожал еще сильнее.

— Э-это... это красивый старший брат вас спас, — едва слышно пролепетала девчушка.

Но спасителя и след простыл.

Маршал осторожно прижал ладонь к аккуратной повязке. Впервые в жизни им овладело непреодолимое желание разыскать незнакомца. Перед глазами вновь встал образ идеальной, белой кожи, тускло мерцавшей в лунном свете. В горле пересохло. Чей же это избалованный, нежный наследник?

Хог повернулся к сироте и глухо, раздельно спросил:

— Кто он такой?

В ответ девочка лишь растерянно покачала головой.

На следующее утро Хай Тянь ни свет ни заря поднялся, чтобы собрать вещи. Пришло время переезжать в загородный дворец маршала — делить с ним, так сказать, ложе.

Перед выходом он зашел в Звездную сеть и, зажмурившись от стыда, опубликовал дежурный пост «счастливой невесты»:

[Хай Тянь: Мое здоровье всегда оставляло желать лучшего, поэтому маршал Хог берег меня и все эти годы не торопился обзаводиться потомством. Но теперь он наконец-то сдался! Ха-ха, я же говорил, что он не устоит предо мной. Ах, в этой его суровой сдержанности и кроется истинная мужская нежность!]

На словах юноша так и лучился восторгом, хотя на душе у него скребли кошки.

Пользователи сети отреагировали мгновенно:

— С утра пораньше зашел в сеть и чуть не умер от испанского стыда.

— Маршал не притрагивался к тебе только потому, что ты бесполезная кукла для династического брака. А ты всерьез втираешь нам про заботу о твоём дохлом организме???

— Господи, от его бахвальства я могу пальцами ног вырыть новый сектор Федерации!

— Да ты заливаешь похлеще любого урагана!

Впрочем, к регулярным приступам самолюбования Хай Тяня все уже привыкли. Поворчав, комментаторы утихали — как-никак, слухи о его переезде во дворец подтвердились. Неужели этот выскочка действительно празднует победу?

Перед тем как навсегда покинуть отчий дом, Хай Тянь с обреченным видом подошел к собачьей лежанке и дважды ласково потрепал спящего там духовного зверька. Малыш лишь сонно заворчал и ткнулся носом в его ладонь.

В ту же секунду на другом конце города маршал Хог, проводивший важное военное совещание, внезапно умолк на полуслове. По его позвоночнику пробежала волна щекочущей, невыносимой нежности. Пальцы маршала судорожно впились в край стола.

«Да что этот паршивец творит с моим духовным телом?!»

Глаза маршала налились кровью.

— Маршал? — Левый начальник штаба, прервав доклад, виновато опустил голову. — Простите нам нашу халатность... Мы до сих пор не попали на след наглеца, похитившего ваше духовное тело.

Правый начальник штаба тут же вскочил с места, заверяя:

— Будьте уверены, господин маршал, мы сотрем этого ублюдка в порошок!

— Продолжайте поиски, — процедил Хог.

«Найду — лично шкуру спущу».

Хог опустил взгляд. В памяти невольно всплыло вчерашнее спасение и то дивное умиротворение, которое принесли прохладные прикосновения незнакомца. В груди разлилось странное тепло. Вспомнив сияющую белизну чужой кожи, маршал сглотнул подступившую слюну и хрипло спросил:

— Выяснили, кто из аристократов вчера посещал трущобы?

— Молодой господин Хай навещался туда.

«Хай Тянь?»

Маршал нахмурился.

«За каким чертом его туда понесло? Неужели этот изнеженный павлин решил уподобиться своим лицемерным собратьям — прогуляться среди нищих ради красивых снимков и дешевой популярности? Но... мог ли вчерашним спасителем быть он?»

Пока маршал взвешивал эту мысль, Правый начальник штаба замялся и добавил негромко:

— Мои люди все разузнали... Вчера вечером он ходил туда в компании своего бывшего жениха.

Слова «бывший жених» адъютант выделил особенным, многозначительным тоном.